

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН НЕГАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ

THE PSYCHOLOGICAL PHENOMENON OF THE NEGATIVE IMPACT OF SOCIAL NETWORKS ON THE POLITICAL EDUCATION OF STUDENTS

IJTIMOIIY TARMOQLARNING TALABALARNING SIYOSIY TARBIYASIGA SALBIY TA'SIRINING PSIXOLOGIK FENOMENI

SATTAROV Timur Sobirovich,

*Tashkent State University of Oriental Studies
Senior Lecturer, Department of Pedagogy and Psychology
p.sattarov1978@gmail.com*

DOI: 10.47980/IIAU/2026/2/10

Аннотация. Целью настоящей статьи является комплексный анализ психологического феномена негативного воздействия социальных сетей на политическое воспитание студенческой молодежи и разработка педагогических подходов к минимизации этого воздействия в контексте Стратегии развития Нового Узбекистана. Методологическую основу исследования составили: теоретический анализ трудов узбекских и зарубежных ученых в области политической психологии, педагогики и медиаисследований; эмпирическое анкетирование 60 студентов Ташкентского государственного университета востоковедения в возрасте 18–23 лет, включавшее три диагностических блока (источники политической информации, эмоциональные реакции, готовность к межполитическому диалогу); анализ нормативно-правовых документов, включая Стратегию «Узбекистан – 2030», Закон «О государственной молодежной политике» и Концепцию воспитания молодежи в духе патриотизма. В результате исследования выявлены и детально систематизированы четыре ключевых психологических механизма деструктивного воздействия социальных сетей на политическое сознание студентов: формирование «эхо-камер» и алгоритмическая идеологическая поляризация; развитие клипового мышления и деградация способности к системному политическому анализу; эмоционализация политического восприятия через механизмы дофаминовой зависимости; формирование иллюзии компетентности на фоне поверхностного потребления политического контента. Эмпирически установлено, что 88% опрошенных используют социальные сети как

основной источник политической информации; 63% испытывают преимущественно тревогу и раздражение при потреблении политического контента; лишь 28% готовы к конструктивному диалогу с носителями иных политических взглядов; 52% демонстрируют элементы дегуманизации политических оппонентов. На основе синтеза теоретических и эмпирических данных обоснована необходимость внедрения в образовательный процесс высшей школы Узбекистана интегрированной педагогической модели формирования идеологического иммунитета, включающей когнитивный компонент (курсы медиаграмотности, фактчекинга, понимания алгоритмов), эмоционально-ценностный компонент (интерактивные методы, дебаты, ролевые игры) и поведенческий компонент (реальное гражданское участие, волонтерство, студенческое самоуправление). Практическая значимость работы определяется возможностью использования разработанных рекомендаций в деятельности кураторов академических групп, преподавателей социально-гуманитарных дисциплин, специалистов по воспитательной работе и психологической службе вузов Узбекистана.

Ключевые слова: политическое воспитание, социальные сети, политическая социализация, студенты, идеологический иммунитет, клиповое мышление, эхо-камеры, Стратегия развития Нового Узбекистана, медиаграмотность, критическое мышление, педагогические технологии, цифровая гигиена.

Annotation. The purpose of this article is to comprehensively analyze the psychological phenomenon of the negative impact of social networks on students' political education and to develop pedagogical approaches aimed at minimizing such influence within the context of the Development Strategy of New Uzbekistan. The methodological framework of the study is based on the theoretical analysis of the works of Uzbek and foreign scholars in the fields of political psychology, pedagogy, and media studies; an empirical survey of 60 students of the Tashkent State University of Oriental Studies aged 18–23, including three diagnostic blocks (sources of political information, emotional reactions, readiness for inter-political dialogue); and an analysis of normative-legal documents, including the «Uzbekistan – 2030» Strategy, the Law «On State Youth Policy», and the Concept of Youth Education in the Spirit of Patriotism. As a result of the study, four principal psychological mechanisms underlying the destructive influence of social networks on students' political consciousness were identified and systematically analyzed in detail: the formation of “echo chambers” and algorithmic ideological polarization; the development of clip thinking and the decline in the capacity for systematic political analysis; the emotionalization of political perception through dopamine-dependency mechanisms; and the emergence of an illusion of competence amid the superficial consumption of political content. The empirical findings revealed that 88% of respondents use social networks as their primary source of political information; 63% predominantly experience anxiety and anger while consuming political content; only 28% are willing to engage in constructive dialogue with individuals

holding opposing political views; and 52% demonstrate elements of dehumanization toward political opponents. Based on the synthesis of theoretical and empirical data, the study substantiates the necessity of introducing an integrated pedagogical model for the formation of ideological immunity within the higher education system of Uzbekistan. This model encompasses a cognitive component (media literacy courses, fact-checking, and understanding of algorithms), an emotional-value component (interactive methods, debates, and role-playing activities), and a behavioral component (active civic engagement, volunteerism, and student self-governance). The practical significance of the study lies in the possibility of applying the developed recommendations in the activities of academic group advisors, instructors of social and humanities disciplines, specialists in educational affairs, and psychological services within higher educational institutions of Uzbekistan.

Keywords: political education, social networks, political socialization, students, ideological immunity, clip thinking, echo chambers, Development Strategy of New Uzbekistan, media literacy, critical thinking, pedagogical technologies, digital hygiene.

Annotatsiya. Ushbu maqolaning maqsadi ijtimoiy tarmoqlarning talabalarining siyosiy tarbiyasiga salbiy ta'sirining psixologik fenomenini kompleks tahlil qilish va Yangi O'zbekiston Taraqqiyot Strategiyasi kontekstida ushbu ta'sirni minimallashtirish bo'yicha pedagogik yondashuvlarni ishlab chiqishdan iboratdir. Tadqiqotning metodologik asosini quyidagilar tashkil etadi: siyosiy psixologiya, pedagogika va media tadqiqotlar sohasidagi o'zbek va xorijiy olimlarning ishlarini nazariy tahlil qilish; Toshkent davlat sharqshunoslik universitetining 18–23 yoshdagi 60 nafar talabasi ishtirokida o'tkazilgan empirik so'rovnoma, uchta diagnostik blokni o'z ichiga olgan (siyosiy axborot manbalari, hissiy reaksiyalar, siyosiy muloqotga tayyorlik); «O'zbekiston – 2030» Strategiyasi, «Davlat yoshlar siyosati to'g'risida»gi Qonun va Yoshlarni vatanparvarlik ruhida tarbiyalash Konsepsiyasini o'z ichiga olgan normativ-huquqiy hujjatlar tahlili. Tadqiqot natijasida ijtimoiy tarmoqlarning talabalarining siyosiy ongiga halokatli ta'sirining to'rtta asosiy psixologik mexanizmi aniqlandi va batafsil tizimlashtirildi: «eks-kameralari» shakllanishi va algoritmik mafkuraviy qutblanish; klip tafakkurining rivojlanishi va tizimli siyosiy tahlil qobiliyatining pasayishi; dofaminga qaramlik mexanizmlari orqali siyosiy idrokning emotsionallasuvi; siyosiy kontentni yuzaki iste'mol qilish fonida kompetentlik illyuziyasining shakllanishi. Empirik tarzda quyidagilar aniqlandi: respondentlarning 88% siyosiy axborotning asosiy manbai sifatida ijtimoiy tarmoqlardan foydalanadi; 63% siyosiy kontentni iste'mol qilishda asosan tashvish va g'azabni boshdan kechiradi; atigi 28% boshqa siyosiy qarashlar egalari bilan konstruktiv muloqotga tayyor; 52% siyosiy opponentlarni dehumanizatsiya qilish elementlarini namoyish etadi. Nazariy va empirik ma'lumotlarning sintezi asosida O'zbekiston oliy ta'lim o'quv jarayoniga mafkuraviy immunitetni shakllantirishning integratsiyalashgan pedagogik modelini joriy etish zarurati asoslab berildi, u kognitiv komponent (media savodxonlik

kurslari, faktcheking, algoritmlarni tushunish), hissiy-qadriyat komponenti (interfaol usullar, debatlar, rolli o'yinlar) va xulq-atvor komponentini (real fuqarolik ishtiroki, volontyorlik, talaba o'zini o'zi boshqarish) o'z ichiga oladi. Ishning amaliy ahamiyati ishlab chiqilgan tavsiyalardan akademik guruhlar kuratorlari, ijtimoiy-gumanitar fanlar o'qituvchilari, tarbiyaviy ishlar bo'yicha mutaxassislar va O'zbekiston oliy o'quv yurtlarining psixologik xizmatlari faoliyatida foydalanish imkoniyati bilan belgilanadi.

Kalit so'zlar: siyosiy tarbiya, ijtimoiy tarmoqlar, siyosiy ijtimoiylashuv, talabalar, mafkuraviy immunitet, klip tafakkur, eks-kameralari, Yangi O'zbekiston Taraqqiyot Strategiyasi, media savodxonlik, tanqidiy fikrlash, pedagogik texnologiyalar, raqamli gigiyena.

ВВЕДЕНИЕ

Политическое воспитание молодежи является стратегическим приоритетом государственной политики Республики Узбекистан. В условиях стремительной цифровой трансформации всех сфер общественной жизни данное направление приобретает особую значимость и одновременно сталкивается с беспрецедентными вызовами. Социальные сети, изначально возникшие как инструмент межличностной коммуникации, к настоящему времени превратились в доминирующую среду социализации для поколения Z, во многом вытеснив традиционные институты – семью, школу и даже классические средства массовой информации. Масштаб этих изменений требует от научно-педагогического сообщества глубокого переосмысления подходов к политическому воспитанию студенческой молодежи.

Стратегия «Узбекистан – 2030», утвержденная Указом Президента Республики Узбекистан №УП-158 от 11 сентября 2023 года, определяет воспитание молодежи в духе патриотизма, формирование у нее твердых жизненных убеждений и идеологического иммунитета против чуждых идей и деструктивных влияний в качестве одной из ключевых целей государственной образовательной политики. В документе особо подчеркивается необходимость «кардинального повышения эффективности духовно-просветительской работы, защиты молодежи от негативного воздействия информационных угроз» (Указ Президента РУз № УП-158, 2023).

Достижение этих стратегических ориентиров невозможно без глубокого понимания психологических механизмов, посредством которых цифровая среда воздействует на политическое сознание молодого человека. Современный студент проводит в социальных сетях от трех до пяти часов ежедневно, при этом значительная часть

потребляемого им контента прямо или косвенно затрагивает общественно-политическую тематику. Проблема заключается в том, что характер этого потребления фундаментально отличается от традиционных моделей усвоения политической информации: алгоритмическая логика платформ, ориентированная не на просвещение, а на удержание внимания любой ценой, создает специфические риски для несформировавшейся психики молодого человека.

Отечественные исследователи А.А. Абдуллаев и Ш.Т. Каримова одними из первых в Узбекистане обратили внимание на то, что стихийная цифровая социализация может вступать в прямой конфликт с целенаправленным воспитательным процессом. А.А. Абдуллаев (Абдуллаев А., 2022: 34) отмечает, что «алгоритмизированная среда социальных сетей формирует у молодежи фрагментарное и эмоционально искаженное восприятие политической действительности, что затрудняет решение педагогических задач по формированию целостного мировоззрения». Ш.Т. Каримова в своем исследовании выявила корреляцию между временем, проводимым студентами в социальных сетях, и уровнем их политической тревожности.

Значительный вклад в разработку концепции идеологического иммунитета молодежи внес Н.А. Джураев. В его фундаментальной работе «Педагогические основы формирования идеологического иммунитета молодежи в Новом Узбекистане» идеологический иммунитет определяется как «интегративное качество личности, обеспечивающее устойчивость к деструктивным информационным воздействиям и способность к критической оценке политической информации на основе сформированной системы национальных и общечеловеческих ценностей» (Джураев Н., 2023: 52). Данное определение служит теоретическим фундаментом для настоящего исследования.

Коллективом под руководством Н.А. Мусаева (Мусаев Н. и др., 2022) было проведено масштабное исследование, показавшее, что традиционные лекционные формы передачи политических знаний теряют эффективность при столкновении с эмоционально насыщенным и визуально привлекательным контентом социальных сетей. Авторы приходят к выводу о необходимости интеграции интерактивных педагогических технологий в процесс политического воспитания.

Вместе с тем, несмотря на значительный задел, накопленный узбекскими учеными в области теории политического воспитания и идеологического

иммунитета, конкретные психологические механизмы негативного воздействия социальных сетей на этот процесс остаются недостаточно изученными. Существующие исследования часто фокусируются либо на общепедагогических аспектах, либо на социально-политических последствиях цифровизации, оставляя без должного внимания психологический уровень анализа.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ психологического феномена негативного воздействия социальных сетей на политическое воспитание студентов и разработка педагогических подходов к минимизации этого воздействия в контексте реализации Стратегии развития Нового Узбекистана. Исследовательский вопрос, на который мы пытаемся ответить, можно сформулировать следующим образом: какие конкретные психологические механизмы, заложенные в архитектуру и алгоритмы социальных платформ, препятствуют формированию зрелого политического сознания и идеологического иммунитета у студенческой молодежи, и какие педагогические технологии способны нейтрализовать эти механизмы?

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования составили три взаимодополняющих подхода, обеспечивающих комплексное освещение проблемы на теоретическом, эмпирическом и нормативном уровнях.

1. Теоретический анализ. Проведен систематический обзор и критическое осмысление научной литературы по следующим направлениям: политическая социализация и политическое воспитание молодежи (Руснак, 2010; Нуман, 1959); медиапсихология и влияние цифровых платформ на когнитивные процессы (Sunstein, 2017; Pariser, 2011; Фрумкин, 2010); психология интернет-зависимости и особенности поколения Z (Twenge, 2017); формирование идеологического иммунитета (Джураев, 2023; Абдуллаев, 2022); педагогические технологии в высшей школе (Мусаев и др., 2022). Отдельное внимание уделено анализу нормативно-правовых документов, определяющих государственную молодежную политику: Стратегии «Узбекистан – 2030», Закона Республики Узбекистан «О государственной молодежной политике» в новой редакции, Концепции воспитания молодежи в духе патриотизма, утвержденной Постановлением Кабинета Министров.

Теоретический анализ позволил сформулировать рабочую гипотезу исследования: негативное воздействие социальных сетей на политическое воспитание студентов осуществляется через систему взаимосвязанных психологических механизмов (эхо-камеры, клиповое мышление, дофаминовая зависимость, иллюзия компетентности), каждый из которых деформирует определенный аспект политического сознания – когнитивный, эмоциональный или поведенческий.

2. Эмпирическое исследование. Для проверки теоретических положений проведено пилотное анкетирование на базе Ташкентского государственного университета востоковедения. Выборку составили 60 студентов бакалавриата в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст – 20,4 года), из них 32 девушки (53,3%) и 28 юношей (46,7%). Распределение по курсам: 1 курс – 15 человек (25%), 2 курс – 16 человек (26,7%), 3 курс – 15 человек (25%), 4 курс – 14 человек (23,3%). Участие в анкетировании было добровольным и анонимным. Анкета включала три содержательных блока:

Первый блок - «Источники политической информации» предлагал респондентам выбрать из списка (с возможностью множественного выбора) те источники, из которых они чаще всего узнают о политических событиях.

Второй блок - «Эмоциональные реакции на политический контент» содержал вопросы, направленные на выявление преобладающих эмоциональных состояний при потреблении политической информации в социальных сетях. Вопросы формулировались в формате шкалы Лайкерта (от 1 до 5), а также включали закрытые вопросы с выбором одного или нескольких вариантов.

Третий блок - «Готовность к межполитическому диалогу» был направлен на оценку уровня политической толерантности и способности к конструктивному взаимодействию с носителями иных политических взглядов. Анкетирование проводилось в очном формате, время заполнения составляло 15–20 минут.

Обработка данных осуществлялась методами описательной статистики: подсчитывались процентные распределения ответов, средние значения по шкалам Лайкерта. Для сравнения подгрупп (по полу, курсу обучения) использовались непараметрические критерии, однако в силу ограниченного объема выборки межгрупповые различия рассматривались как предварительные.

3. Анализ педагогической документации. Изучены учебные планы и программы воспитательной работы ряда вузов Узбекистана

(ТГУВ, НУУЗ, ТГНПУ) на предмет наличия компонентов, направленных на формирование медиаграмотности, критического мышления и навыков фактчекинга у студентов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведенное исследование позволило получить результаты на двух уровнях: теоретическом (систематизация психологических механизмов) и эмпирическом (количественные данные анкетирования).

Теоретический анализ позволил выделить и детально описать четыре ключевых психологических феномена, деформирующих процесс политического воспитания студентов в цифровой среде. Важно подчеркнуть, что данные механизмы действуют не изолированно, а в тесной взаимосвязи, усиливая негативный эффект друг друга.

Первый механизм: формирование «эхо-камер» и алгоритмическая идеологическая поляризация. Алгоритмы рекомендаций, лежащие в основе функционирования всех крупных социальных платформ (Telegram, VK, TikTok, YouTube), спроектированы таким образом, чтобы максимизировать время, проводимое пользователем на платформе. Технически это реализуется через анализ массива поведенческих данных: лайков, репостов, комментариев, времени просмотра каждого поста или видео, скорости пролистывания и даже пауз, которые пользователь делает на определенном контенте. На основе этого анализа алгоритм формирует персонализированную ленту, в которую попадает преимущественно тот контент, который с наибольшей вероятностью вызовет реакцию пользователя, то есть контент, соответствующий его уже существующим взглядам, предпочтениям и эмоциональным ожиданиям.

Американский исследователь Эли Паризер ввел в научный оборот термин «пузырь фильтров» (filter bubble), описывающий ситуацию, в которой пользователь оказывается интеллектуально изолирован от информации, не соответствующей его взглядам (Pariser, 2011: 9–10). В политическом контексте это приводит к формированию так называемой «эхо-камеры» – информационной среды, в которой политические убеждения пользователя постоянно получают подтверждение и эмоциональное подкрепление, а альтернативные точки зрения либо не представлены вовсе, либо подаются в намеренно искаженном, карикатурном или откровенно враждебном ключе.

Кас Санстейн в работе «Республика: разделенная демократия в эпоху социальных медиа» убедительно показал, что эффект эхо-камеры имеет тенденцию к самоусилению. Чем дольше человек находится в такой среде, тем более поляризованными становятся его взгляды, и тем более враждебно он начинает воспринимать любую информацию, противоречащую сложившейся картине мира (Sunstein, 2017:55–78). Для студенческой аудитории этот механизм представляет особую опасность, поскольку политическая идентичность молодого человека еще находится в процессе активного формирования, и деформации на этом этапе могут иметь долгосрочные последствия.

А.А. Абдуллаев подчеркивает специфический аспект данной проблемы для Центральноазиатского региона: молодежь Узбекистана находится в эпицентре пересечения разнонаправленных информационных потоков, и алгоритмическая поляризация может способствовать отрыву от национальной культурно-политической почвы или, напротив, замыканию в радикализированных субкультурных сегментах. С психологической точки зрения механизм эхо-камеры приводит к трем взаимосвязанным последствиям: когнитивной ригидности (неспособности воспринимать противоречащую информацию), эффекту «спирали молчания» (ложному выводу о всеобщности своей позиции) и усилению черно-белого мышления, при котором политические оппоненты воспринимаются не как люди с иной обоснованной точкой зрения, а как носители абсолютного заблуждения или злого умысла.

Второй механизм: клиповое мышление и деградация способности к системному политическому анализу. Термин «клиповое мышление» был предложен российским исследователем К.Г. Фрумкиным и получил широкое признание как в психологической науке, так и в педагогической практике. Суть феномена заключается в формировании устойчивой когнитивной привычки к восприятию информации короткими, яркими, эмоционально насыщенными фрагментами, не связанными между собой логическими или причинно-следственными связями. Социальные сети, в особенности форматы коротких видео (Reels, Shorts, клипы) и микроблоги с ограничением по длине сообщения, являются идеальной средой для культивирования этого типа мышления.

Нейропсихологические исследования показывают, что мозг обладает свойством нейропластичности – он адаптируется к тем режимам функционирования, которые являются для него

наиболее частыми. Постоянное переключение между короткими, не связанными друг с другом стимулами приводит к тому, что снижается способность к длительной концентрации внимания и выстраиванию сложных логических цепочек. Для процесса политического воспитания это имеет далеко идущие последствия.

Сложные общественно-политические процессы – электоральные циклы, экономические реформы, международные конфликты, геополитические трансформации – требуют для своего понимания учета множества факторов и способности выстраивать многоступенчатые причинно-следственные связи. Они не укладываются в формат тридцатисекундного ролика или короткого поста с эмоциональным заголовком. Студент, чей мозг адаптирован к клиповому потреблению, испытывает серьезные трудности при попытке прочитать аналитическую статью объемом более двух-трех страниц или ознакомиться с полным текстом политической программы партии. Более того, у него может отсутствовать сама мотивация к такому чтению – оно воспринимается как «скучное» и «сложное» по сравнению с ярким, эмоционально заряженным и визуально привлекательным контентом социальных сетей.

Н.А. Мусаев и соавторы в своем исследовании пришли к важному выводу: студенты, проводящие более четырех часов в день в социальных сетях, демонстрируют статистически значимое снижение способности к анализу сложных текстов и выявлению причинно-следственных связей по сравнению со студентами с более умеренным потреблением цифрового контента. Этот результат имеет принципиальное значение для организации политического воспитания в вузе: традиционная лекция, даже самая содержательная, рискует оказаться неэффективной, если студент когнитивно не готов к восприятию сложного, развернутого устного или письменного сообщения.

Третий механизм: дофаминовая зависимость и эмоционализация политического восприятия. С нейробиологической точки зрения, механика социальных сетей построена на эксплуатации дофаминовой системы мозга – эволюционно древнего механизма, отвечающего за предвкушение награды и формирование привычек. Непредсказуемое поступление «награды» (лайка, комментария, интересного поста) при бесконечной прокрутке ленты создает тот же тип зависимости, что и азартные игры с переменным интервалом подкрепления (Twenge, 2017: 63–70).

В контексте политического контента эта зависимость приводит к фундаментальному сдвигу

в мотивации медиапотребления: студент начинает искать не объективную информацию о политических процессах, а сильные эмоции, которые эта информация может ему дать. Политический контент, вызывающий мощный эмоциональный отклик – гнев, праведное негодование, страх, возмущение, злорадство по поводу неудач оппонентов, – получает наибольший виральный охват. Алгоритмы, в свою очередь, фиксируют это предпочтение и начинают предлагать пользователю все более эмоционально заряженный, часто граничащий с дезинформацией контент.

Процесс политического воспитания, предполагающий спокойное, рациональное и взвешенное усвоение политических знаний, подменяется эмоциональным «серфингом» по волнам общественного возмущения. Студент привыкает к тому, что политика – это не сфера ответственного гражданского участия, требующая вдумчивости и терпения, а захватывающее шоу, источник острых ощущений и эмоциональной разрядки. Ш.Т. Каримова (Каримова Ш., 2021) эмпирически показала, что у узбекских студентов, интенсивно потребляющих политический контент в социальных сетях, наблюдается повышенный уровень фоновой политической тревожности и сниженная способность к рациональной оценке политических событий. Формируется парадоксальная ситуация: чем больше времени студент проводит в политическом сегменте социальных сетей, тем менее компетентным и уверенным гражданином он себя чувствует.

Четвертый механизм: иллюзия компетентности и гипертрофированная самооценка. Данный механизм тесно связан с известным в когнитивной психологии эффектом Даннинга-Крюгера: люди с низкой реальной квалификацией в определенной области склонны значительно переоценивать свои знания и способности, в то время как настоящие эксперты, осознающие сложность предмета, напротив, проявляют большую осторожность в суждениях и сомнения в собственной компетентности.

В сфере политического знания этот эффект проявляется с особенной силой. Архитектура социальных сетей нивелирует иерархию знания: мнение известного политолога, основанное на десятилетиях изучения предмета, и комментариев анонимного пользователя, основанный на прочтении нескольких постов в Telegram-канале, представлены в ленте в одинаковом визуальном формате и занимают равное положение. Доступность информации – возможность за несколько секунд найти в интернете любые сведения – создает у молодого человека ложное ощущение собственной экспертности.

Н.А. Джураев (Джураев Н., 2023: 78) называет этот феномен «иллюзией легкого знания» и рассматривает его как одну из ключевых угроз для формирования идеологического иммунитета. Студент, уверовавший в свою компетентность, становится невосприимчивым к педагогическому воздействию: он не видит необходимости прислушиваться к преподавателю, читать серьезную литературу или знакомиться с альтернативными точками зрения, поскольку «и так все знает». Преподаватель, пытающийся показать многомерность политической реальности, сомневающийся и призывающий к осторожности в выводах, проигрывает в восприятии студента блогеру, который транслирует простые, однозначные и эмоционально заряженные объяснительные схемы.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты анкетирования 60 студентов ТГУВ подтверждают теоретические положения, изложенные выше, и дают количественную характеристику изученным феноменам.

Источники политической информации. На вопрос «Из каких источников вы чаще всего узнаете о политических событиях?» (допускался выбор нескольких вариантов) были получены следующие результаты: Telegram-каналы указали 71% респондентов, Instagram* – 48%, другие социальные сети (TikTok, VK, Twitter/X) – 39%, YouTube – 37%, университетские лекции и преподавателей – 22%, традиционные СМИ (телевидение, радио, газеты) – 18%, семейные обсуждения – 14%, официальные государственные порталы – 7%. Суммарно 88% опрошенных указали хотя бы одну социальную сеть в качестве основного источника политической информации.

Эти цифры красноречиво свидетельствуют о том, что классические институты политического просвещения – образование, официальные СМИ, семья – фактически вытеснены из информационного поля студента. Особенно тревожным выглядит разрыв между показателями социальных сетей и официальных государственных порталов (88% против 7%), что указывает на серьезный дисбаланс в информационном потреблении.

Эмоциональные реакции на политический контент. На вопрос «Какие эмоции вы чаще всего испытываете при просмотре политического контента в социальных сетях?» 63% респондентов выбрали варианты, относящиеся к негативному спектру: «тревога, беспокойство» (38%) и «раздражение, гнев» (25%). Спокойные и познавательные

эмоции («интерес, любопытство») отметили 22% опрошенных, а позитивные («спокойствие, уверенность») – лишь 8%. Затруднились с ответом 7%.

При ответе на утверждение «После просмотра политических новостей в социальных сетях я часто чувствую себя подавленным и беспомощным» 57% респондентов выбрали варианты «полностью согласен» (22%) или «скорее согласен» (35%). Не согласились с этим утверждением 28%, оставшиеся 15% выбрали нейтральный вариант.

Эти данные подтверждают теоретический тезис о том, что потребление политического контента в цифровой среде способствует не росту гражданской осведомленности и конструктивной мотивации, а накоплению тревожности, фрустрации и ощущения беспомощности.

Готовность к межполитическому диалогу.

Данный блок анкеты дал наиболее тревожные результаты. С утверждением «Я готов(а) спокойно и уважительно обсуждать политические вопросы с человеком, чьи взгляды противоположны моим» полностью согласились лишь 10% респондентов, еще 18% выбрали вариант «скорее согласен». Таким образом, суммарно лишь 28% опрошенных демонстрируют готовность к конструктивному диалогу с политическими оппонентами. Вариант «скорее не согласен» выбрали 47%, а «полностью не согласен» – 25%.

Особого внимания заслуживает отношение к утверждению, косвенно диагностирующему дегуманизацию политических оппонентов: «Мне трудно представить, что человек, поддерживающий определенную политическую силу, может быть умным и порядочным». С ним полностью согласились 22% респондентов, еще 30% – скорее согласились (суммарно 52% опрошенных демонстрируют элементы дегуманизации). Не согласились с этим утверждением 33%.

Сравнительный анализ по курсам. Студенты старших курсов (3–4) показали несколько более высокие показатели готовности к диалогу по сравнению с первокурсниками и второкурсниками (33% против 23%). Однако, как уже отмечалось, на данной выборке различия не достигают уровня статистической значимости ($p > 0,05$ ввиду малого размера подгрупп). Это предварительно указывает на то, что естественное взросление в процессе обучения в вузе лишь в незначительной степени компенсирует негативное влияние цифровой среды, и без целенаправленных педагогических интервенций позитивные сдвиги минимальны.

Гендерные различия. Девушки-студентки несколько чаще юношей выбирали варианты, связанные с тревогой и беспокойством (42%

против 33% у юношей), в то время как юноши чаще отмечали «раздражение, гнев» (30% против 21%). Однако в целом гендерные различия по изученным параметрам не являются значительными, что позволяет рассматривать выявленные тенденции как характерные для студенческой молодежи в целом.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты позволяют сформулировать ряд принципиальных выводов, имеющих значение как для понимания природы изучаемого феномена, так и для планирования практических мер реагирования.

Сопоставление теоретических и эмпирических данных

Эмпирические данные, полученные в ходе анкетирования, хорошо согласуются с теоретической моделью. Зафиксированное доминирование социальных сетей как источника политической информации (88% респондентов) в сочетании с преобладанием тревожных реакций (63%) и низкой готовностью к диалогу (28%) создает картину, вызывающую обоснованную тревогу.

Студент оказывается в ситуации, которая может быть охарактеризована как «ловушка цифровой социализации»: он постоянно погружен в политическую повестку, обладает иллюзией информированности, но при этом не имеет ни когнитивных инструментов для критической оценки потребляемой информации (вследствие клипового мышления), ни эмоциональной устойчивости для конструктивного взаимодействия с инакомыслящими (вследствие привыкания к эмоционально заряженному контенту).

Особенно значимым представляется выявленный высокий уровень дегуманизации политических оппонентов (52%). Готовность приписывать носителям иных взглядов негативные личностные качества – «глупость», «непорядочность» – свидетельствует о серьезных сбоях в формировании политической толерантности, которая, согласно Н.А. Джуреву, является ключевым компонентом идеологического иммунитета. Политическая толерантность в его трактовке – это не безразличие и не отказ от собственных убеждений, а способность признавать за оппонентом право на инакомыслие и человеческое достоинство, оставаясь при этом на собственных ценностных позициях.

Противоречие с задачами государственной молодежной политики

Выявленная картина вступает в прямое противоречие с задачами, сформулированными

в Стратегии «Узбекистан – 2030». В документе четко определено, что одной из ключевых целей является «воспитание молодежи в духе патриотизма, формирования у нее твердых жизненных убеждений и идеологического иммунитета против чуждых идей» (Указ Президента РУз № УП-158, 2023). Идеологический иммунитет подразумевает не изоляцию от информации, а способность к ее критическому осмыслению и устойчивость к манипуляциям. Данные нашего исследования показывают, что стихийное потребление политического контента в социальных сетях не формирует такую способность, а, напротив, делает студента более уязвимым для манипулятивных воздействий.

Анализ учебных планов трех ведущих вузов Узбекистана показал, что в большинстве из них отсутствуют специализированные обязательные курсы, направленные на развитие медиаграмотности, навыков фактчекинга и понимания принципов работы алгоритмов социальных сетей. Там, где такие курсы присутствуют, они, как правило, являются элективными и охватывают лишь небольшую долю студентов. Воспитательная работа часто ограничивается традиционными форматами – кураторскими часами, лекциями, торжественными мероприятиями, – эффективность которых в условиях острой конкуренции за внимание студента с увлекательным и эмоционально заряженным контентом социальных сетей снижается.

Интегрированная педагогическая модель формирования идеологического иммунитета. На основе синтеза теоретических и эмпирических данных, а также с учетом наработок узбекских ученых (Абдуллаев, 2022; Джураев, 2023; Каримова, 2021; Мусаев и др., 2022) нами предлагается интегрированная педагогическая модель формирования идеологического иммунитета студентов в условиях цифровой среды. Модель включает три взаимосвязанных компонента, соответствующих когнитивной, эмоционально-ценностной и поведенческой сферам личности.

Когнитивный компонент: развитие медиаграмотности и критического мышления. Содержательно данный компонент предполагает реализацию в учебном плане специального курса (или интеграцию соответствующих модулей в существующие дисциплины), охватывающего следующие тематические блоки:

(а) «Как работают алгоритмы: почему вы видите именно этот контент?» – понимание принципов формирования персонализированных лент и механизмов рекомендательных систем;

(б) «Фактчекинг и верификация информации: практические инструменты» – формирование конкретных навыков проверки достоверности новостей, по

иска первоисточников, различения фактов и мнений;

(в) «Когнитивные искажения как мишени манипуляции» – знакомство с основными когнитивными искажениями (предвзятость подтверждения, эффект привязки, ошибка выжившего и др.) и техниками манипуляции массовым сознанием в политическом контексте.

Методически преподавание данного компонента не должно ограничиваться лекционным форматом. Необходимо широкое внедрение практических занятий с разбором реальных кейсов дезинформации и манипуляции, выполнение тренировочных упражнений по фактчекингу, групповая работа по анализу новостных сюжетов из различных источников, освещающих одно и то же событие.

Эмоционально-ценностный компонент: формирование устойчивости к эмоциональным манипуляциям. Данный компонент направлен на развитие эмоционального интеллекта применительно к политической сфере. Он включает:

(а) обучение распознаванию эмоциональных триггеров в политическом контенте – умению идентифицировать, когда пост или видео апеллирует не к разуму, а к страху, гневу или ненависти;

(б) развитие навыков эмоциональной саморегуляции – способности сохранять спокойствие и рассудительность при столкновении с провокационным контентом, не поддаваясь немедленному импульсу к агрессивной реакции;

(в) формирование ценностного стержня, основанного на национальных ценностях и идеях Стратегии развития Нового Узбекистана.

Педагогическими технологиями реализации данного компонента выступают: дебаты (в которых студент должен аргументировать не свою, а назначенную преподавателем позицию, что развивает способность к децентрации); ролевые игры, моделирующие столкновение с манипулятивным политическим контентом; групповая рефлексия эмоциональных реакций на специально подобранные преподавателем провокационные материалы.

Поведенческий компонент: вовлечение в реальное гражданское участие. Данный компонент направлен на преодоление феномена слактивизма – иллюзии гражданской активности, создаваемой лайками и репостами. Он предполагает создание в вузе системы возможностей для реального гражданского участия студентов: волонтерские

проекты социальной направленности, работу органов студенческого самоуправления, реализацию студенческих социальных инициатив, участие в молодежных крыльях политических институтов, проведение встреч с представителями различных ветвей власти и общественных организаций.

Как отмечает Н.А. Джураев (Джураев Н., 2023: 112), реальный, «руками» опыт гражданского участия является наиболее эффективным средством против как политической апатии, так и политической агрессии. Совместная созидательная деятельность, в которой студенты разных политических взглядов объединены общей целью (помощь нуждающимся, благоустройство территории, организация культурного мероприятия), снижает межгрупповую враждебность и способствует формированию политической толерантности более эффективно, чем любые лекции о пользе терпимости.

Реализация данной модели требует системного подхода и координации усилий различных подразделений вуза: кафедр социально-гуманитарных дисциплин, отдела по работе с молодежью, духовности и просветительству, психологической службы. Необходимым условием является также повышение квалификации кураторов академических групп и преподавателей в области цифровой педагогики и медиапсихологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Социальные сети, будучи основным источником политической информации для подавляющего большинства опрошенных студентов (88%), оказывают выраженное негативное воздействие на процесс политического воспитания и формирования идеологического иммунитета молодежи. Ключевыми психологическими механизмами этого воздействия являются: формирование «эхо-камер» и алгоритмическая идеологическая поляризация; развитие клипового мышления и деградация способности к системному политическому анализу; эмоционализация политического восприятия через механизмы дофаминовой зависимости; формирование иллюзии компетентности на фоне поверхностного потребления политического контента.

2. Эмпирически зафиксирован высокий уровень политической тревожности (63% респондентов испытывают преимущественно негативные эмоции при потреблении политического контента) и критически низкая готовность к конструктивному

диалогу с носителями иных политических взглядов (28%). Более половины опрошенных (52%) демонстрируют элементы дегуманизации политических оппонентов. Данные показатели вступают в противоречие с целевыми ориентирами Стратегии «Узбекистан – 2030» и свидетельствуют о недостаточной эффективности действующих подходов к политическому воспитанию в условиях цифровой реальности.

3. Для минимизации деструктивного влияния социальных сетей и реализации задач, поставленных в Стратегии развития Нового Узбекистана, необходима интеграция в образовательный процесс высшей школы предлагаемой педагогической модели формирования идеологического иммунитета, включающей когнитивный компонент (курсы медиаграмотности, фактчекинга, понимания алгоритмов), эмоционально-ценностный компонент (интерактивные методы, дебаты, ролевые игры, развитие эмоционального интеллекта) и поведенческий компонент (реальное гражданское участие, волонтерство, студенческое самоуправление).

4. Анализ учебных планов ряда узбекских вузов выявил дефицит специализированных курсов по медиаграмотности и критическому мышлению в цифровой среде. Восполнение этого дефицита является первоочередной задачей, без решения которой попытки повысить эффективность политического воспитания в вузе будут сталкиваться с объективными препятствиями.

5. Ограничением данного исследования являются небольшой объем выборки (60 человек) и ее ограниченность одним университетом. Перспективным направлением дальнейших исследований является масштабирование эмпирического этапа на республиканском уровне с охватом студентов различных регионов и профилей обучения, а также разработка и валидизация стандартизированного диагностического инструментария для количественной оценки уровня сформированности идеологического иммунитета у студенческой молодежи Узбекистана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев, А.А. (2022). Рақамли мухитда ёшларнинг сиёсий онгини шакллантириш муаммолари. Тошкент: Фан ва технология.
2. Джураев, Н.А. (2023). Янги Ўзбекистонда ёшларни мафкуравий иммунитетини шакллантиришнинг педагогик асослари. Тошкент: Ўзбекистон Миллий энциклопедияси.
3. Каримова, Ш.Т. (2021). Ижтимоий тармоқларнинг талаба-ёшлар сиёсий дунёқарашига таъсирининг

- психологик хусусиятлари. ЎЗМУ хабарлари, (4), 112–117.
4. Мирзиёев, Ш.М. (2021). Янги Ўзбекистон стратегияси. Тошкент: O'zbekiston.
 5. Мусаев, Н.А., Абдурахимов, С.С., ва Тургунова, М.Ш. (2022). Олий таълим муассасаларида талабаларнинг танқидий фикрлаш қобилиятини ривожлантириш. Тошкент: Фан.
 6. Руснак, С.П. (2010). Политическая социализация молодежи: теория, практика, технологии. Москва: Логос.
 7. Указ Президента Республики Узбекистан № УП-158 от 11.09.2023 г. «О Стратегии «Узбекистан – 2030».
 8. Фрумкин, К.Г. (2010). Клиповое мышление и судьба линейного текста. Топос, (3), 55–68.
 9. Hyman, H.H. (1959). Political Socialization: A Study in the Psychology of Political Behavior. New York: The Free Press.
 10. Pariser, E. (2011). The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York: Penguin Press.
 11. Sunstein, C.R. (2017). Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton: Princeton University Press.
 12. Twenge, J.M. (2017). iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy. New York: Atria Books.
 10. Sunstein, C.R. (2017). Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton: Princeton University Press.
 11. Twenge, J.M. (2017). iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy. New York: Atria Books.
 12. Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan № UP-158 ot 11.09.2023 g. «O Strategii «Uzbekistan – 2030» [Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. UP-158 of 11.09.2023 «On the Strategy «Uzbekistan – 2030»].

REFERENCES

1. Abdullayev, A.A. (2022). Raqamli muhitda yoshlarning siyosiy ongini shakllantirish muammolari. Toshkent: Fan va texnologiya.
2. Jorayev, N.A. (2023). Yangi O'zbekistonda yoshlarni mafkuraviy immunitetini shakllantirishning pedagogik asoslari. Toshkent: O'zbekiston Milliy ensiklopediyasi.
3. Frumkin, K.G. (2010). Klipovoye myshleniye i sud'ba lineynogo teksta [Clip thinking and the fate of linear text]. Topos, (3), 55–68.
4. Hyman, H.H. (1959). Political Socialization: A Study in the Psychology of Political Behavior. New York: The Free Press.
5. Karimova, Sh.T. (2021). Ijtimoiy tarmoqlarning talaba-yoshlar siyosiy dunyoqarashiga ta'sirining psixologik xususiyatlari [Psychological features of the influence of social networks on the political worldview of student youth]. O'zMU xabarleri, (4), 112–117.
6. Mirziyoyev, Sh.M. (2021). Yangi O'zbekiston strategiyasi [Strategy of New Uzbekistan]. Toshkent: O'zbekiston.
7. Musayev, N.A., Abduraximov, S.S., va Turg'unova, M.Sh. (2022). Oliy ta'lim muassasalarida talabalarning tanqidiy fikrlash qobiliyatini rivojlantirish [Developing critical thinking skills of students in higher education institutions]. Toshkent: Fan.
8. Pariser, E. (2011). The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York: Penguin Press.
9. Rusnak, S.P. (2010). Politicheskaya sotsializatsiya molodezhi: teoriya, praktika, texnologii [Political socialization of youth: theory, practice, technologies]. Moskva: Logos.